

АРГУМЕНТАЦИЯ, РАЗНОГЛАСИЕ РАВНЫХ И РОЖДЕНИЕ ИСТИНЫ В СПОРЕ*

Лисанюк Елена Николаевна – доктор философских наук, доцент. Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5; e-mail: e.lisanuk@spbu.ru

Мазурова Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, доцент. Новосибирский государственный технический университет. Российская Федерация, 630073, Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20; e-mail: mazurova@corp.nstu.ru

Статья посвящена тому, каким образом понятие расхождения во мнениях из области теории аргументации позволяет решить проблему разногласия эпистемически равноправных агентов в условиях их глубокого разногласия, неразрешимо-го посредством одного лишь искреннего ясного мышления. Проблема разногласия равных – это мысленный эксперимент, нацеленный уточнить связь глубокого разногласия и истины, это поединок двух концепций истины, референциальной и инференциальной, которые обычно понимают нормативно и ассоциируют с ними искреннее ясное мышление. Ради эксперимента из поединка сначала удаляют другие концепции – агентную, информационную и мелиоративную, однако в дальнейшем приходится их вернуть, чтобы рассудить поединок, потому что иначе он заходит в тупик. К разрешению поединка и сводится проблема разногласия равных, и в нем нет победителя, когда между эпистемически равноправными сторонами имеется глубокое разногласие. Наш подход состоит в том, что для участников спора преодолеть разногласие в пользу рождения истины в споре – значит сконструировать истину как совместный дизайн-проект и создать согласие по ее поводу на основе специальной процедуры, основанной на понятии расхождения во мнениях.

Ключевые слова: разногласие равных, глубокое разногласие, истина, аргументация, расхождение во мнениях, конфликт, спор

ARGUMENTATION, PEER DISAGREEMENT AND THE TRUTH BIRTH IN DISPUTE

Elena N. Lisanyuk – DSc in Philosophy, associate professor. Saint Petersburg State University.

We suggest a solution to the problem of peer disagreement based on the concept of divergence in opinions, imported from the theory of argumentation. We treat the problem of peer disagreement as a mental experiment, a duel between different concepts of truth, and show that there is no winner in it, whenever there is a deep

* Исследования Е.Н. Лисанюк поддержаны РФФИ, проект № 18-011-00895 «Логическое исследование сигнификативных явлений: семантика и прагматика».

5 Mendeleevskaya Line,
199034, Saint Petersburg,
Russia;
e-mail: e.lisanuk@spbu.ru

Maria R. Mazurova – PhD
in Philosophy, associate
professor.
Novosibirsk State Technical
University. 20 Karl Marx Ave,
630073, Novosibirsk, Russia;
e-mail: mazurova@corp.
nstu.ru

disagreement between epistemic peers. Our approach amounts to two proposals, one formulates how to handle the truth and the other takes care of creating an agreement over it. We suggest that instead of employing a definite concept of truth taken as criterion for dispute resolution from outside of it, the agents construct the concept of truth as a joint design project from the inside of their dispute and create an agreement towards it with the help of a procedure based on the of divergence in opinions. The concept of divergence of opinions opens a perspective of analyzing complex conflicts such as the deep disagreements by treating them as molecular disputes consisting of atomic simple ones. It supports discriminating between solvable and unsolvable disputes and paves a way for the disputants to construe a truth concept in their complex dispute by choosing in which of the atomic disputes to participate for the sake of their molecular dispute resolution. We also demonstrate how the conceptions discussed in the issues of the peer disagreement such as conciliatory and steadfast ways, justificatory balance and equal weight view get shape in our approach based on the concept of divergence in opinions.

Keywords: peer-disagreement, deep disagreement, truth, argumentation, divergence in opinions, conflict, dispute

Введение

Проблема разногласия равных (**peer disagreement**) – это часть обсуждаемой с конца 80-х гг. XX в. проблематики разногласия [Frances, Matheson, 2018], контуры которой были заданы утверждением классика неформальной логики Р. Фогелина о том, что «существуют разногласия, подчас по важным вопросам, которые не подлежат разрешению рациональным способом», это глубокие разногласия. Из признака глубоких разногласий вытекает необходимость развивать неформальную логику как совокупность методов убеждения (*conviction*), трактуемого не только в смысле «допущения о том, что искреннее ясное мышление способно разрешить фундаментальные вопросы», но и в смысле уговаривания (*persuasion*) принять какое-либо мнение, когда убеждение в первом смысле заходит в тупик [Fogelin, 2005, p. 11].

Проблема разногласия равных – это мысленный эксперимент, нацеленный уточнить связь глубокого разногласия и истины, если она имеется, это поединок между двумя концепциями истины, референциальной (корреспондентной) и инференциальной (когерентной), которые обычно понимают нормативно и ассоциируют с ними искреннее ясное мышление и рациональное убеждение. Ради эксперимента посредством специальных допущений из поединка сначала удаляют другие ее концепции – агентную, информационную и мелиоративную, однако в дальнейшем приходится их вернуть, чтобы рассудить поединок, потому что иначе он заходит в тупик. К разрешению поединка и сводится проблема разногласия равных. Идею убеждения

как уговаривания в этом эксперименте символизируют удаляемые концепции, чаще всего трактуемые дескриптивно. Если принять разногласие равных за глубокое разногласие, то поединок неразрешим. Решение можно найти, если ослабить допущения о сути истины в сторону инференциальной концепции и уточнить понятие глубокого разногласия в эпистемическом и процедурном аспекте. Оно состоит в том, чтобы позволить сторонам сконструировать истину, в рождении которой они примут участие, и создать согласие по ее поводу вместо того, чтобы ожидать, что стороны достигнут согласия по поводу того, что является истиной независимо от аргументации сторон спора. Перспективу для такого решения откроет спор равных по поводу их разногласия, а инструментом станет понятие расхождения во мнениях из области теории аргументации.

Статья организована следующим образом. В п. 1 мы обсудим допущения об истине, вовлеченные в поединок – разногласие равных, в п. 2 рассмотрим особенности трактовки разногласия равных и глубокого разногласия. В п. 3 дадим определения понятию расхождения во мнениях, атомарного и молекулярного споров, и на их основе в п. 4 предложим решение известного из проблематики разногласия примера о ресторанном счете.

1. Разногласие равных в поединке истин

Референциальная и инференциальная концепции истины в замечательном многообразии версий сопровождают философскую мысль от ее античных истоков до наших дней. Взятые вместе или по отдельности, они выступают аспектами классического понимания истины в философии [Вейнгартнер, 2005] и логике [Зайцев, Григорьев, 2011], трактуются нормативно [Слинин, 2017], реже – дескриптивно [Вольф, 2016].

Агентная концепция предлагает доверять или не доверять мнениям людей в зависимости от надежности источника. Из поединка ее устраняет допущение об эпистемическом равноправии (симметрии) (ЭР) сторон¹ разногласия: по условиям эксперимента всех агентов спора признают надежными источниками и эпистемически одинаково компетентными. Информационная концепция открывает возможность пресыщенных истинностных оценок предложений, так что они могут быть истинными и неистинными одновременно [Shramko, Wansing, 2005, p. 34], например, в разные моменты времени, в разных аспектах и т. п. От нее отвлекаются, принимая допу-

¹ Эпистемическое равноправие обладать знаниями и мнениями подразумевает и когнитивное многообразие в их формировании [Stich, 1988], но не означает эпистемической либо когнитивной идентичности агентов [Лисанюк, 2013].

шение об уникальности истины (УИ), созвучное референциальной и инференциальной концепциям: «истинно» – единственное предпочтительное логическое значение, предложение не может быть истинным и неистинным одновременно, а альтернативных истин не существует. Мелиоративная концепция предполагает, что всякое мнение неидеально и может быть улучшено посредством обновления или пересмотра критериев оценки познания [Dutilh Novaes, 2018]. Она оставлена за бортом при помощи допущения о наивысшей познавательной ценности истины (НПЦИ). Согласно (НПЦИ) и (УИ), существует только одна цель познания – истина – и лишь к ней нужно стремиться в споре, а не к чему-либо другому, например компромиссу, что будет разрешением разногласий, предпринятым не ради истины, но в иных целях. Для мысленного эксперимента о разногласии равных достаточно допущения (ЭР), а допущения (УИ) и (НПЦИ) составляют его дополнительные условия, необходимые для уточнения роли истины в нем.

2. Глубокое разногласие: экзистенциальный и функциональный взгляд

Суть надежды на то, что искреннее ясное мышление способно преодолеть разногласия по фундаментальным вопросам, делается очевидной, как только проведена граница между глубоким разногласием и разногласием функциональным. Глубокое разногласие – это эпистемический аналог экзистенциального конфликта, ведь «не предложения являются истинными или ложными, а люди, их высказывающие, имеют истинные или ложные убеждения или интенции» [Фролов, 2018, с. 89]. Глубокое разногласие, приоткрывая расхождение мнений² по одному вопросу, охватывает множество сопряженных с ним вопросов, по которым возникли полярные взгляды. Его невозможно преодолеть посредством исключительно когнитивных усилий, покуда у сторон отсутствует предварительное согласие мнений по содержательным или процедурным аспектам, на которое они могли бы опереться и тем самым сделать первый шаг на пути к преодолению разногласия. Обнаружение точек согласия сторон, или опор эпистемического или процедурного характера, – это совместные шаги к разрешению разно-

² Мнения – непостоянные, не вполне упорядоченные и не всегда проверенные сведения агента. В отличие от знаний – истинных предложений, проверенных агентом, мнения могут быть неполными, неточными, противоречивыми, хотя сам агент может считать их достоверными [Крипке, 1986, с. 199]. Иногда мнения называют убеждениями агентов. Мы используем термин «убеждение» для указания на разновидность аргументации.

гласия. Эпистемическая опора отвлекается от объектных установок агентов в референциальном смысле [Микиртумов, 2016] и означает, что существует хотя бы одно предложение ψ , о логическом значении которого люди придерживаются одинаковых взглядов, и поэтому ψ может служить приемлемым для них доводом. Процедурная опора говорит, что существуют некий способ Δ преодоления разногласий, принимаемый сторонами, например спор, вычисление или жребий.

Понимание разногласия в духе экзистенциального конфликта отождествляет мнения сторон спора с людьми, их отстаивающими, и делает устранение оппонентов, например, путем поединка или дискредитации³, единственным путем его разрешения. Если стороны разногласия разделяют идею об устранении противника как способе его преодоления, это становится и процедурной и содержательной опорой. По аналогии с этим эпистемическое устранение противника помогло бы преодолеть глубокое разногласие, но не разногласие равных, потому что во втором случае будет нарушено условие поединка (ЭР).

В середине XX века теория аргументации и теория переговоров сделали большой шаг вперед, когда отказались от экзистенциального понимания конфликта и перешли к функциональному его пониманию, согласно которому может не быть необходимой связи между позициями агентов спора и их личностями [Фишер, Юри, 1987], [Шеллинг, 2007]. Решить проблему разногласия равных – значит сделать нечто похожее для эпистемического аналога экзистенциального конфликта. Эта проблема обозначает эпистемическую границу дозволенного устранения противной стороны – ею выступает рациональность агентов, представляющих несогласные мнения, по ту сторону которой нацеленность интеллектуальных усилий на убеждение аргументами теряет актуальность, и в дело идут иные средства воздействия, например уговаривание или устранение. Превращая всякое разногласие в разногласие равных, (ЭР) делает рациональность сторон дискуссии необходимым условием для аргументации и спора как способа преодоления разногласия и презумпцией агентов относительно друг друга. «Это не означает, что нет случаев, когда человек поддается гипнозу, подсознательной стимуляции, наркотикам, “промыванию мозгов” и физической силе, и что нет случаев, в которых он может должным образом контролировать действия и взгляды своих собратьев – людей средствами иными, чем аргументация... Мы даже не властвуем над людьми, когда только манипулируем ими. Мы можем властвовать над людьми, только рассматривая их как людей» [Johnstone, 1963, p. 30–31]. Проблема разногласия равных

³ В древних обществах практиковали разрешение конфликтов посредством публичного нравственного [Держивичский, Перов, 2018] или физического устранения противной стороны, например судебный поединок в Средневековой Европе или «поле» в Древней Руси.

посредством (ЭР) определяет оставшееся по эту сторону эпистемической границы пространство для преодоления разногласия в споре при помощи рассуждений и аргументов.

Функциональное понимание разногласия помимо онтологического аспекта, знаменующего переход к обсуждению мнений вместо обсуждения людей, имеет эпистемологический аспект, согласно которому спор – это способ преодоления расхождения во мнениях, где оценка аргументов является независимым от существования разногласия основанием предпочесть одно из них. Иногда эпистемологический аспект выражают утверждением, что в споре рождается истина. Оно метафорически объединяет (УИ) и (НПЦИ) и неявно подразумевает (ЭР), закрепляя за сторонами разногласия равные шансы стать ее родителями. Чтобы стать ими, стороны должны совместными усилиями создать приемлемое множество аргументов в поддержку мнения, соответствующего (УИ) и (НПЦИ).

Функциональное понимание конфликта в эпистемологическом аспекте – это не этап, но состояние познания и социальной практики людей [Алейников, Стребков, 2015, с. 29]. Функциональное разногласие локализует соотношение мнений, так что, если стороны расходятся по одной, даже обширной, совокупности вопросов, это не исключает ни того, что они могут быть согласны по каким-то другим вопросам, ни того, что подобного согласия им найти не удастся. Локальный характер в функциональном смысле можно придать и глубокому разногласию при соблюдении трех условий, из которых первое отражает онтологический аспект, второе – эпистемический, а третье придает статус дизайн-проекта первым двум:

(1) считать носителями мнений, составляющих глубокое разногласие, не агентов, а их представления, включая объектные установки, выраженные посредством предложений (пропозиций);

(2) предусмотреть процедуру предъявления, защиты и критики мнений;

(3) трактовать оба условия не как достаточные критерии оценки мнений⁴, а как необходимые условия порождения согласия.

Соблюдая эти условия сконструированного ими дизайн-проекта согласия об истине, участники спора смогут начать преодоление глубокого разногласия изнутри него вместо того, чтобы ожидать, что найдутся внешние идеалы, пригодные, чтобы рассудить спор декларативным образом [Floridi, 2018].

Фогелин приводит пример глубокого разногласия по определяющему отношению к абортам вопросу о том, когда у плода появляется душа, символизирующая начало человеческой жизни. Сторонники права на аборт полагают, что

⁴ Речь идет о критериях, например состоятельности, приемлемости и релевантности, или ARS-критериях в неформальной логике [Johnson, Blair, 1977], прагматических критериях убеждения как уговаривания [Шапири, 2017] или (УИ) и (НПЦИ), как в нашем обсуждении.

(СПА) *Зарождение души происходит при рождении или вскоре после него,*

поэтому аборт не уничтожает ее. Противники этого права считают, что

(ППА) *Зарождение души происходит при зачатии или вскоре после него*

и аборт ее разрушает. По вопросу зарождения души нет научных данных, пригодных стать эпистемической опорой. Не подойдут и положения вероучений, потому что на них невозможно опереться ни в позитивном смысле, если несогласные придерживаются различных взглядов о вере, ни в негативном, т. к. нельзя их отбросить как безусловно ошибочные.

Глубокое разногласие между сторонниками и противниками права на аборт и отсутствие эпистемической опоры для его преодоления имеет двоякую референциально-инференциальную природу. Во-первых, сторонники и противники права на аборт имеют выраженные в (СПА) и (ППА) разные взгляды на природу вещей, или *альтернативные факты*⁵. (СПА) и (ППА) не могут быть вместе истинными, они – часть подкрепленных доводами позиций, состоящих из предложений о других фактах, ценностях, деятельностных намерениях и т. п., делающих позиции несопоставимыми. На основе своей позиций каждая сторона глубокого разногласия считает собственное мнение истинным и правильным, а противостоящее ему – не истинным и ошибочным. В глубоком разногласии мнения противостоят друг другу не в том смысле, в каком логические значения предложений χ – «истинно» и ϕ – «ложно» несовместимы и образуют противоречие, где из истинности одного следует ложность другого и наоборот. Они полярные в том смысле, что если трактовать (СПА) и (ППА) как предложения, описывающие объектные установки или альтернативные факты, то их логические значения будут несравнимы и между ними нельзя будет установить связь наподобие той, что имеется в противоречии. В этой несравнимости состоит референциальная суть глубокого разногласия, процедурная и функциональная локализация которого при помощи условий (1) и (3) дает шансы его преодолеть.

Несмотря на то, что (СПА) и (ППА) можно представить в виде противоречащих друг другу наборов пар предложений, это будет упрощением ситуации, потому что отразит лишь часть глубокого

⁵ Идея альтернативных фактов в социально-политической сфере носит негативную окраску. В философии логики нестандартные подходы в многозначных логиках, подразумевающие альтернативное упорядочение предпочтений истинностных значений [Финн, 2006], разные наборы истинностных значений, как в логике В3 Бочвара [Карпенко, Томова, 2017], альтернативные истины диалетизма [Priest, 1998], имеют устоявшиеся сферы использования, например решение парадоксов, и основаны на содержательных соображениях, включая нечто похожее на глубокое разногласие.

разногласия и скроет его масштаб, охватывающий позиции целиком и не сводимый к этим парам. Представление глубокого разногласия подобным образом прячет его инференциальный аспект, состоящий в том, что предложения, составляющие позиции сторон, могут быть содержаниями разногласия, доводами и контрдоводами, меняя свои функции в споре по мере его развертывания. Процедурные опоры условия (2) ограничивают эту изменчивость и тем самым локализируют глубокое разногласие в инференциальном смысле.

Поясним глубокое разногласие на примере, адаптированном из [Christensen, 2007]. Два рациональных агента *A* – Анна и *B* – Борис, для которых выполняется (ЭР), – давние друзья, время от времени они встречаются за обедом в ресторане, а счет делят пополам. В этот раз Борис, узнав сумму счета, прикинул, что с учетом обычных чаевых половина составит 1300 руб., и удивился, что Анна предлагает ему внести 1500 руб. Прежде подсчеты Анны и Бориса совпадали. Неужели я ошибся? Или Анна желает дать больше чаевых? – думает Борис. Похожие мысли пришли в голову и Анне. Эту ситуацию называют *равновесным взглядом* (Equal weight view) [Elga, 2007]: каждый скорее усомнится в своих подсчетах, нежели в подсчетах друга, либо, если нет сомнений в подсчетах, предположит существование дополнительных оснований для изменения результата, вроде увеличения суммы чаевых. *Равновесный взгляд* иллюстрирует путь компромисса – один из двух путей разрешения разногласия равных, подразумевающий, что одна из сторон может отказаться от своего мнения в пользу другой стороны или уменьшить степень уверенности в своей правоте. Соответственно, путь компромисса либо отбрасывает (ЭР), либо исключает рождение истины в споре в смысле (УИ) или (НПЦИ).

Когда один из друзей, не найдя у себя ошибки и придерживаясь (УИ), решит отказаться от (НПЦИ) и принять версию друга ради добрых отношений, то тем самым он дружбу предпочтет истине и призовет на помощь мелиоративную или агентную концепции истины. Напротив, друзья могут продолжать придерживаться (НПЦИ), но отбросить (УИ) и сделать шаг в сторону информационной концепции, предположив существование пресыщенных оценок или альтернативных истин. Для несложной задачи на вычисление, имеющей единственное решение, такой ход менее приемлем, чем он может быть в других спорах, наподобие примера Фогелина о зарождении души, в судебных спорах или нравственных дискуссиях, где, наоборот, приемлемой видится скептическая оценка вероятности найти единственно верное решение. Путь компромисса снижает шансы на преодоление разногласия посредством рождения истины в смысле (УИ) и (НПЦИ), референциальной или инференциальной, и обращается к прочим концепциям истины.

Второй путь – путь твердости: каждый придерживается своего мнения, считает его обоснованным и скептически оценивает противоположный взгляд как не содержащий пригодного опровержения [Huetter, 2001, p. 94]. Путь твердости образует две версии, связанные с отказом от (ЭР). Первая – стоять на своем и считать, что ошибся друг. Это заведет Анну и Бориса в тупик, разногласие преодолено не будет, не найдется и победителя в поединке двух концепций истины. Вторая версия заключается в том, чтобы, придерживаясь (УИ) и (НПЦИ), процедурно опереться на аргументацию, что подразумевает локальный отказ от (ЭР) на определенных шагах спора, обращение к агентной и мелиоративной концепциям, а также усиление инференциальной концепции. Временный отказ от (ЭР) необходим в качестве процедурной опоры аргументативного спора, где каждая из сторон по очереди будет брать на себя роль пропонента и оппонента. Эта версия составляет суть *баланса обоснований* (justificationist view) и пролегает между путями твердости и компромисса [Lackey, 2011]. Согласно ему, до возникновения разногласия чем больше Борис уверен в своем мнении, что служащее обоснованием его позиции утверждение о том, что половина суммы оплаты составляет 1300 руб., правильно, тем больше он будет склоняться к пути твердости после возникновения разногласия и меньше – к пути компромисса. И, наоборот, до обнаружения разногласия чем меньше Анна уверена в том, что обоснование ее мнения правильное, тем меньше она будет готова идти по пути твердости после его обнаружения и тем больше – идти по пути компромисса. Путь твердости в результате подсчета баланса обоснований, например, посредством сверки вычислений приведет к тому, что Анне либо Борису придется признать ошибку. Этого не потребуются, если друзья, сверив свои подсчеты, пойдут по пути компромисса и согласятся увеличить сумму чаевых и, соответственно, сумму счета. Оба исхода означают отказ от (ЭР) и победу инференциальной концепции с помощью мелиоративной в первом случае и агентной и информационной – во втором.

3. Расхождение во мнениях

Идея баланса обоснований в теории аргументации реализована в понятии расхождения во мнениях (PaM), охватывающего три аспекта соотношения между точками зрения сторон спора: логический (или пропозициональный), прагматический и коммуникативный. Истоки содержательного понятия PaM [Eemeren et al., 2007, p. 21–24] восходят к операционализму в математике, где процедура установления логического значения формулы трактуется как диалоговая игра оппонента и пропонента.

Активную позицию агента, намеренного защищать ее или критиковать другие позиции, задает точка зрения, положительная + либо отрицательная – : $T+\{\phi\}$, $T+\{\neg\phi, \chi\}$, $T-\{\phi\}$, $T-\{\phi, \neg\chi\}$, заявляемая в споре по поводу мнения, положительного либо отрицательного, выраженного непустым множеством предложений: $\{\phi, \chi, \dots, \neg\phi, \neg\chi \dots\}$. На точки зрения в споре указывают такие индикаторы, как *я думаю, что; мне кажется, что* или *неверно считать, что; я не думаю, что* соответственно. Намерения слушателя – пассивного агента спора – касательно других мнений неопределенные: $T?\{\phi\}$, $T?\{\neg\phi, \chi\}$, они не содержат точки зрения и могут быть выражены индикаторами *я не знаю, я сомневаюсь*. Классификация РаМ производится по следующим критериям, отражающим три аспекта соотношений точек зрения сторон спора: количество предложений; количество мнений; отношения между точками зрения; отношения между намерениями.

Если обсуждается только одно предложение – это единичный спор, если более одного – множественный; если в споре имеются и положительные, и отрицательные мнения в отношении одного и того же предложения – это смешанный спор, несмешанный спор разворачивается вокруг одного мнения, либо положительного, либо отрицательного, касательно какого-либо предложения. Если агент высказывает в споре мнение и имеет точку зрения, то такой агент имеет и позицию в нем, но обратное неверно, потому что пассивная позиция не подразумевает точки зрения. Различают составной, или сложный, спор, если позиции содержат два и больше мнений, как правило, в отношении разных предложений, и простой, если в них содержится не более одного мнения. Всякий составной спор можно анализировать как множество простых споров, равно как и всякий множественный спор – как множество единичных споров, а всякий смешанный – как множество несмешанных споров. Поэтому считают, что элементарное РаМ характеризует простой единичный несмешанный спор – своего рода атомарное РаМ, посредством которого представимы молекулярные РаМ сложных споров.

Логический аспект РаМ образован соотношением логических значений предложений, составляющих содержание мнений сторон, прагматический – соотношением их намерений по защите и критике, выраженных в их точках зрения по поводу мнений, а коммуникативный – соотношением между позициями сторон в споре в целом. Предложения, составляющие пропозициональное содержание мнений агентов, в зависимости от используемой семантической модели могут иметь значение «истинно», «ложно» или, помимо этих, также и другие логические значения, например «неопределенно», «скорее истинно», «скорее ложно», если модель это предусматривает. Для моделирования спора двузначная классическая модель, содержащая только первые два значения, имеет чувствительные ограни-

чения. Единственный способ, каким она может выразить РаМ, это противоречие. С учетом прагматического аспекта оно будет иметь следующий вид:

$A: [T+\{\phi\}, T\{-\phi\}]$ vs $B: [T+\{-\phi\}, T\{\phi\}]$ (*Конфликт*).

Мы получим только один вид РаМ – *конфликт*, или смешанный множественный составной спор, который не представим как множество элементарных РаМ посредством классической модели, потому что ее ригоризм не приспособлен для выражения пассивной позиции, трактуемой как приписывание спорному предложению значения «неопределенно». Поэтому она непригодна для выражения и других видов РаМ, начиная с *сомнения* – несмешанного простого единичного спора, характеризуемого элементарным РаМ, в котором один из агентов защищает свою точку зрения, например положительную, а позиция другого – пассивная:

$A: [T+\{\phi\}]$ vs $B: [T?\{\phi\}]$ (*Сомнение*),

Аналогичным образом обстоит дело и с *несогласием*⁶ – смешанным простым спором, где один агент защищает свою точку зрения, а другой ее критикует, не выдвигая при этом альтернативной точки зрения:

$A: [T+\{\phi\}]$ vs $B: [T-\{\phi\}]$ (*Несогласие*).

Понятие РаМ определяет параметры отношений, выражающих то, каким образом могут противостоять друг другу референциально полярные мнения. Оно трактует глубокое разногласие как сложный молекулярный спор, состоящий из простых атомарных, в роли которых могут выступать спор-*сомнение* и спор-*несогласие*, и тем самым локализует глубокое разногласие в процедурном и эпистемическом аспектах. В споре-*сомнении* пассивную сторону можно считать одержавшей верх лишь тогда, когда активной не удалось обосновать свою точку зрения, а в споре-*несогласии* победа достается оппоненту, если критика была более успешной, чем обоснование. В таких спорах активная сторона или проponent формулируют предложения, претендующие на то, чтобы быть истиной, и отстаивают их, а пассивная сторона или оппонент отвечают за согласие с нею.

Процедурная локализация глубокого разногласия происходит посредством того, что прежде имплицитные прагматические и коммуникативные правила проведения споров становятся частью отношений между точками зрения сторон и подразумевают наборы тактик для агентов, стремящихся к разрешению разногласия через создание согласия. Логический аспект понятия РаМ может быть сформулиро-

⁶ В этом разделе термины конфликт, несогласие и сомнение, выделенные курсивом, используются для указания на типы РаМ, дающие начало соответствующим спорам [Лисанюк, 2015, с. 244–251].

ван сторонами в духе (УИ) и (НПЦИ), и тогда они смогут стать родителями истины, если достигнут согласия по ее поводу. Ограничением для этого служит ригористический сценарий классической двузначной модели, чреватый тупиком разногласия.

В соответствии с (УИ) и (НПЦИ) три аспекта разногласия, логический, прагматический и коммуникативный, РаМ упорядочивает следующим образом. Рождение истины зависит от того, истинно ли пропозициональное содержание мнения, затем, если оно истинно, – от прагматической успешности его защиты, и, наконец, если оно прагматически успешно, от коммуникативной эффективности предъявления позиции в споре [Мигунов, 2006]. Этот порядок во главу угла ставит сначала референциальную концепцию истины, затем – инференциальную, и вслед за ними – агентную и иные концепции, если нужно. Если стороны принимают (НПЦИ), но не (УИ), первые два аспекта меняются местами, и стороны соглашаются считать истинным мнение, успешно защищенное в споре. Если на первое место стороны поставят коммуникативный аспект и подчинят ему два других, то они откажутся от (НПЦИ) и (УИ). Таким образом, понятие РаМ обеспечивает создание сторонами эпистемической и процедурной опор, локализуя глубокое разногласие, что открывает перспективу для реализуемых сторонами дизайн-проектов упорядочения трех аспектов разногласия в соответствии с условием (3).

4. Как преодолеть расхождение во мнениях в условиях разногласия равных?

При помощи понятия РаМ рассмотрим на нашем примере, как можно преодолеть разногласие равных посредством баланса обоснований. Обозначим предложение *Половина суммы счета равна 1300 руб.* за ψ , а *Половина суммы счета равна 1500 руб.* за ϕ , а под χ будем понимать набор предложений, описывающих вычисление половины суммы счета. В соответствии с (ЭР) оба друга считают χ истинным, потому что не сомневаются в подсчетах, и мы рассмотрим РаМ в споре о ψ и ϕ , принимая χ за эпистемическую опору. Это означает, что χ не принадлежит множеству предложений, составляющих РаМ, но будет элементом аргументации сторон и, поскольку задача имеет только одно решение, постольку, если друзья пойдут по пути компромисса, χ сохранит роль эпистемической опоры, а если по пути твердости – утратит ее.

Хотя предложения ψ и ϕ буквально не составляют противоречия, в контексте содержания спора и проблемы разногласия равных их логические значения несовместимы. Точки зрения Анны и Бориса таковы:

А: $[T+ \{ \chi \supset \phi, \neg \psi \}, T- \{ \neg \phi, \psi \}]$ vs Б: $[T- \{ \phi, \neg \psi \}, T+ \{ \neg \phi, \chi \supset \psi \}]$

Вот развернутые словесные формулировки этих точек зрения:

Анна: «В силу подсчетов χ , я думаю, что половина суммы счета равна 1500 руб., а утверждение о том, что половина суммы счета равна 1300 руб., неверно. Я не согласна с утверждением о том, что половина суммы счета равна 1500 руб., неверно, а также с тем, что половина суммы счета равна 1300 руб.»

Борис: «Я не согласен с утверждением о том, половина суммы счета равна 1500 руб., и с тем, что утверждение о том, что половина суммы счета равна 1300 руб., неверно. Я считаю неверным утверждение о том, что половина суммы счета равна 1500 руб., и на основе подсчетов χ , я думаю, что половина суммы счета равна 1300 руб.»

Как видим, Анна считает ϕ истинным, а Борис придерживается противоположного мнения: $\neg \phi$. Аналогичным образом обстоит дело с ψ : Анна считает его неистинным: $\neg \psi$, а Борис уверен, что оно истинно: ψ . Это конфликт – составной смешанный множественный спор. Представим его молекулярное РаМ его как множество атомарных РаМ, или простых несмешанных единичных споров-сомнений между Анной и Борисом касательно каждого из предложений ψ и ϕ . Ссылку на подсчеты оставим для иллюстрации в спорах 1 и 5, а в остальных спорах опустим:

1 А: $[T+ \{ \chi \supset \phi \}]$ vs Б: $T? \{ \phi \}$

А: [Я думаю, что {в силу подсчетов χ , половина суммы счёта равна 1500 руб.} vs Б: В силу чего {половина суммы счета равна 1500 руб.}?]

5 Б: $[T+ \{ \chi \supset \psi \}]$ vs А: $T? \{ \psi \}$

Б: [Я думаю, что {в силу подсчетов χ , половина суммы счета равна 1300 руб.} vs А: В силу чего {половина суммы счета равна 1300 руб.}?]

2 А: $T? \{ \neg \phi \}$ vs Б: $[T+ \{ \neg \phi \}]$

А: [В силу чего {неверно, что половина суммы счета равна 1500 руб.}? vs Б: Я думаю, что {неверно, что половина суммы счета равна 1500 руб.}]

6 Б: $T? \{ \neg \psi \}$; vs А: $[T+ \{ \neg \psi \}]$

Б: [В силу чего {неверно, что половина суммы счета равна 1300 руб.}? vs А: Я думаю, что {неверно, что половина суммы счета равна 1300 руб.}]

3 А: $T- \{ \neg \phi \}$ vs Б: $T? \{ \neg \phi \}$

А: [Я не согласна с тем, что {неверно, что половина суммы счета равна 1500 руб.} vs Б: В силу чего {неверно, что половина суммы счета равна 1500 руб.}?]

7 Б: $T- \{ \neg \psi \}$ vs А: $T? \{ \neg \psi \}$

Б: [Я не согласен с тем, что {неверно, что половина суммы счета равна 1300 руб.} vs А: В силу чего {неверно, что половина суммы счета равна 1300 руб.}?]

4 А: $T? \{ \phi \}$ vs Б: $T- \{ \phi \}$

А: [В силу чего {половина суммы счета равна 1500 руб.}? vs Б: Я не согласен с тем, что {половина суммы счета равна 1500 руб.}]

8 Б: $T? \{ \psi \}$ vs А: $T- \{ \psi \}$

Б: [В силу чего {половина суммы счета равна 1300 руб.}? vs А: Я не согласна с тем, что {половина суммы счета равна 1300 руб.}]

Прежде чем перейти обсуждению этих восьми атомарных РаМ, составляющих сложное РаМ конфликта между Анной и Борисом, дадим некоторые пояснения касательно двух групп споров, 4 и 8, 2 и 6. В 4 и 8 Анна и Борис подвергают сомнению собственные мнения ϕ и ψ , отстаиваемые ими в других спорах, а в 2 и 6 они сомневаются в утверждениях о том, что неверны противоположные их мнениям $\neg\phi$ и $\neg\psi$. Не странно ли для участников спора-конфликта сомневаться в собственных мнениях или в неверности противоположных мнений, которые каждый из них намеревается опровергнуть? Покажем, что эти сомнения носят не эпистемический, а прагматический характер и они являются необходимым условием аргументации.

Споры 2, 4, 6 и 8, в особенности позиции пассивных сторон в них, выражают прагматическую готовность каждой из сторон спора отказаться от своего мнения, если аргументы в пользу противоположного мнения будут сильнее. Так, если в 4, где бремя доказательства лежит на Борисе, он представит сильные критические аргументы, опровергающие ϕ , и отклонит критические доводы Анны, то Анне ничего не останется, как согласиться с этим; если в 6 Анна обоснует, почему неверно ψ , опровергнув контраргументы Бориса, то Борису придется это признать. Аналогичным образом дело обстоит в 2 и 8. Отметим, что согласие пассивной стороны с мнением активной по итогам этих споров не влечет обязательств сторон придерживаться данных итогов в других спорах, хотя это и может затруднить разрешение сложного РаМ. О такой готовности к разумному согласию сторон аргументативного спора эксплицитно заявляют редко, если вообще когда-либо это происходит. Она составляет необходимое условие аргументации, неизменно подразумеваемое в подобном споре. Невыполнение этого условия переводит аргументативный спор в информационную дискуссию, переговоры по достижению компромисса или эристический спор – типы диалогов, где уместны аргументы, но не требуется соглашаться с более сильными аргументами и отказываться от слабых, оказавшихся, в отличие от сильных, несостоятельными перед лицом контраргументов.

Нетрудно заметить, что ни в одном из споров 1–8 не соблюдается (ЭР), т. к. роли Анны и Бориса в них разные. Однако можно говорить, что в целом в споре-конфликте (ЭР) сохраняется с учетом равного количества пассивных и активных ролей в спорах 1–8.

Проанализировав этот спор-конфликт между Анной и Борисом как наборы элементарных споров, мы можем сформулировать общее решение спора-конфликта как составное из решений споров 1–8. Начнем с исходов, соответствующих равновесному взгляду. На пути твердости, чтобы спор Анны и Бориса зашел в тупик и остался глубоким разногласием, необходимо, чтобы Анна одержала верх в 1, а Борис – в 5, и достаточно, чтобы Анна одержала верх также и в 3, а Борис – еще и в 7. Такой исход согласуется с (УИ), (НПЦИ) и (ЭР).

Другая версия этого пути ослабляет (ЭР) и открывает перспективу для баланса обоснований – победы Анны в 1 и 6, а Бориса – в 2 и 5, т. к. 2 и 6 отражают сомнения сторон в подсчетах друг друга без признания своих ошибок.

Споры 4 и 8 символизируют особенность баланса обоснований на пути компромисса и неприменимы на пути твердости. Сильной версией разрешения конфликта является победа Анны в 1 и 3 либо Бориса – в 5 и 7, такой исход отбросит (ЭР), сохранив (УИ) или (НПЦИ). Любой из исходов, преодолевающий конфликт, ведет к отказу от (ЭР). Для преодоления конфликта необходимо, чтобы Борис одержал верх в 2 или 4, а Анна – в 6 или 8, и достаточно, чтобы либо за Борисом остался спор 5, либо за Анной – спор 1. Если Борис отстоит свою точку зрения в 2 и 4, а Анна – в 6 и 8, это, с учетом сюжета примера, приведет к отказу от (УИ) при сохранении (ЭР) и (НПЦИ).

Наилучшим образом идея баланса обоснований реализуется в слабой версии пути компромисса, когда стороны отступают от равновесного взгляда и исход конфликта составляет множество исходов споров, таких как победа Анны в 1, 3, 6 и 8, а Борис согласится увеличить сумму счета, чтобы поддержать идею Анны оставить больше чаевых. Напротив, если Борис будет убедительней Анны в 2, 4, 5, 7, то сумма счета останется неизменной. Если Борису не удастся отстоять свою точку зрения в 5 либо Анне – в 1, это будет означать, что он либо она допустили ошибку в подсчетах, особенно если при этом Борис взял верх в 2 либо Анна – в 6. Компромисс ради дружбы, сопровождаемый отказом от (УИ) или (НПЦИ), наилучшим образом будет выражен, когда после победы в 1 Анна не вступает ни в 6, ни в 8 или Борис, одержавший верх в 5, не начинает ни 2, ни 4.

Для установления победителя в поединке истин решающее значение имеют исходы споров 1, 6, 8 и 5, 2, 4, и победителя не будет, если в первой группе успех будет сопутствовать Анне одновременно с успехом Бориса во второй. Если же Анна уступит 1 и Борис – 5, это будет поражением инференциальной концепции, а поражением референциальной станет исход, когда за Борисом останется 2 или 4, а за Анной – 6 или 8. Поскольку решение о том, в каких простых спорах участвовать в целях разрешения конфликта, а в каких – нет, это совместное решение Анны и Бориса, оно и составит дизайн-проект той истины, в рождении которой они желают принять участие и надеются достичь согласия по ее поводу. Если не состоятся споры 1 или 5, это оставит без шансов инференциальную концепцию, а отказ Анны или Бориса от участия в каком-либо из споров 2, 4, 6, 8 снижает шансы референциальной⁷. Допустить или нет другие концепции к уча-

⁷ В отличие теоретико-игрового и операционального понимания истинности [Павлова, 2015], заданного совокупностью правил игры, в нашем подходе правила проведения споров одинаковые, а понятие истины порождено набором споров.

стию – этот вопрос зависит от намерений Анны и Бориса в том, как содержательно каждый будет строить свою аргументацию. Так, если за Борисом останется 5, а Анна одержит верх в 6 и 8, то под вопросом окажется χ и потребуются новые доводы, чтобы защитить либо отклонить χ , и сохранить все три допущения не получится. Придерживаясь (ЭР), придется отказаться от (УИ) или (НПЦИ), и, наоборот, придерживаясь (УИ), отказаться от (ЭР) либо (НПЦИ).

Заключение

Понятие расхождения во мнениях (РаМ) позволяет установить процедурные особенности преодоления глубокого разногласия равных с учетом допущений об уникальности истины (УИ) и ее наивысшей познавательной ценности (НПЦИ), т. е. смысле рождения истины в споре. На примере проблемы разногласия равных мы показали, что анализ спора-конфликта, составного множественного смешанного спора, рассматриваемого как набор простых споров, позволяет решить эту проблему в процедурном плане при помощи алгоритма прагматических действий и коммуникативного поведения сторон и дает механизм нахождения суммарного решения спора. Наш подход позволяет отличать исходы спора с разрешением конфликта от неразрешимых посредством указания на совокупности споров, формирующих пути твердости и компромисса, и показывает, что в преодолении глубокого разногласия равных посредством рождения истины стороны спора играют неодинаковые роли. Активная сторона отвечает за обоснование истины перед лицом пассивной стороны, отвечающей за согласие. Стороны могут варьировать наборы споров, где они желают принять участие ради преодоления конфликта, что составит дизайн-проект той истины, в рождении которой они намерены участвовать, и продемонстрирует связь между преодолением разногласия, эпистемическим равноправием и истиной.

Список литературы

- Алейников, Стребков, 2015 – *Алейников А.В., Стребков А.И.* Конфликты и социальная стабильность в современной России // *Вопр. философии.* 2015. № 12. С. 27–40.
- Вейнгартнер, 2005 – *Вейнгартнер П.* Фундаментальные проблемы теории истины. М.: РОССПЭН, 2005. 352 с.
- Вольф, 2016 – *Вольф М.Н.* Горгий Леонтийский и античная модель дескриптивной эпистемологии // *Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2016. № 2 (34). С. 269–280.
- Держивицкий, Перов, 2018 – *Держивицкий Е.В., Перов В.Ю.* Императив *bona fides* и проблемы использования инвективы в политической борьбе в поздней римской республике // *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция.* 2018. № 2. Вып. 2. С. 535–549.
- Зайцев, Григорьев, 2011 – *Зайцев Д.В., Григорьев О.М.* Две истины – одна логика // *Логические исследования.* 2011. Вып. 17. С. 121–139.
- Крипке, 1986 – *Крипке С.* Загадка контекстов мнения // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 18: Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 194–241.
- Лисанюк, 2015 – *Лисанюк Е.Н.* Аргументация и убеждение. СПб.: Наука, 2015. 398 с.
- Лисанюк, 2013 – *Лисанюк Е.Н.* Когнитивные характеристики агентов аргументации // *Вестн. СПбГУ. Сер. 6.* 2013. Вып. 1. С. 13–21.
- Мигунов, 2006 – *Мигунов А.И.* Семантика аргументативного речевого акта // *Мысль / Под ред. А.А. Мигунова, Е.Н. Лисанюк.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 35–47.
- Микиртумов, 2016 – *Микиртумов И.Б.* Поправляя такедж, или почему не существует «объектных установок» // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2016. Т. 50. № 4. С. 36–43.
- Павлова, 2015 – *Павлова А.М.* Истинность в диалоговой логике и теоретико-игровой семантике (GTS) // *Логические исследования.* 2015. Т. 21. № 2. С. 107–133.
- Слинин, 2017 – *Слинин Я.А.* О пустых терминах: Аристотель и Парменид // *Schole.* 2011. Т. 11. № 1. С. 177–184.
- Финн, 2006 – *Финн В.К.* Стандартные и нестандартные логики аргументации // *Логические исследования.* 2006. Вып. 13. С. 133–165.
- Фишер, Юрий 1987 – *Фишер Р., Юрий У.* Путь к согласию // *Язык и моделирование социального взаимодействия / Под ред. В.В. Петрова.* М., 1987. С. 173–206.
- Фролов, 2018 – *Фролов К.Г.* Метафизика соответствия: некоторые подходы к корреспондентной теории истины // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2018. Т. 55. № 1. С. 83–98.
- Шапиро, 2017 – *Шапиро О.А.* О понятии аргументативного гиперязыка: прагма-аналитический подход // *Вест. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2017. № 38. С. 15–22.
- Шеллинг, 2007 – *Шеллинг Т.* Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. 376 с.

Christensen, 2007 – *Christensen D.* Epistemology of Disagreement: The Good News // *Philosophical Review*. 2007. No. 116. P. 187–218.

Dutilh Novaes, 2018 – *Dutilh Novaes C.* Carnapian explication and ameliorative analysis: a systematic comparison // *Synthese*. 2018. P. 1–24. DOI:org/10.1007/s11229-018-1732-9.

Elga, 2007 – *Elga A.* Reflection and Disagreement // *Noûs*. 2007. No. 41. P. 478–502.

Floridi, 2011 – *Floridi L.* A Defence of Constructionism: Philosophy as Conceptual Engineering // *Metaphilosophy*. 2011. Vol. 42. No. 3. P. 282–304.

Fogelin, 2005 – *Fogelin R.J.* The Logic of Deep Disagreement // *Informal Logic*. 2005 (1985). Vol. 25. No. 1. P. 3–11.

Frances, Matheson, 2018 – *Frances B., Matheson J.* Disagreement // Zalta E. (ed.). *Stanford Enc. of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/disagreement/> (дата обращения: 23.02.2018).

Huemer, 2001 – *Huemer M.* *Skepticism and the Veil of Perception*. N. Y.; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publ., 2001. 232 p.

Johnson, Blair 1977 – *Johnson R., Blair A.* *Logical Self-Defense*. Toronto: McGraw-Hill Ryerson, 1977. 232 p.

Johnstone, 1963 – *Johnstone H.W.* Some Reflections on Argumentation // *Logique et Analyse*. 1963. Vol. 6 (21). No. 30. P. 30–39.

Lackey, 2011 – *Lackey J.A.* Justificationist View of Disagreement’s Epistemic Significance // *Social Epistemology* / Ed. by A. Haddock, D. Pritchard. Oxford UP, 2011. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199577477.003.0015.

Priest, 1998 – *Priest G.* What’s So Bad About Contradictions? // *Journal of Philosophy*. 1998. Vol. 95. P. 410–426.

Shramko, Wansing, 2005 – *Shramko Y., Wansing H.* Some Useful Sixteen-Valued Logics: How a Computer Should Think // *Journal of Philosophical Logic*. 2005. No. 34. P. 121–153.

Stich, 1988 – *Stich St.* Reflective Equilibrium, Analytic Epistemology and the Problem of Cognitive Diversity // *Synthese*. 1988. Vol. 74. No. 3. P. 391–413.

References

Alejnikov, A. V., Strebkov, A. I. “Konflikty i social’naja stabl’nost’ v sovremennoj Rossii” [Conflicts and Social Stability in Contemporary Russia], *Voprosy filosofii*, 2015, no. 12, pp. 27–40. (In Russian)

Christensen, D. “Epistemology of Disagreement: The Good News”, *Philosophical Review*, 2007, no. 116, pp. 187–218.

Derzhivickij, E. V., Perov, V. Ju. “Imperativ bona fides i problemy ispol’zovanija invektivy v politicheskoy bor’be v pozdnej rimskoj respublike” [Bona Fides Imperative and Invective Use in the Late Roman Republic], *Schole*, 2018, vol. 12, no. 2. DOI: 10.21267/AQUILO.2018. (In Russian)

Dutilh Novaes, C. “Carnapian Explication and Ameliorative Analysis: a Systematic Comparison”, *Synthese*, 2018, pp. 1–24. DOI: 10.1007/s11229-018-1732-9.

Eemeren, F. van, Houtlosser, P., Snoeck Henkemans, A. F. *Argumentative Indicators in Discourse*. Dordrecht: Springer, 2007. 234 pp.

Elga, A. "Reflection and Disagreement", *Noûs*, 2007, no. 41, pp. 478–502.

Finn, V. K. "Standartnye i nestandartnye logiki argumentacii" [Standard and Non-Standard Argumentation Logic], *Logical investigations*, iss. 13, pp. 133–165. (In Russian)

Fisher, R., Juri, U. "Put' k soglasiju" [The Way to Agreement], in: Petrov, V. V. (ed.). *Jazyk i modelirovanie social'nogo vzaimodejstviya*. Moscow: Progress, 1987, pp. 173–206. (In Russian)

Fogelin, R. J. "The Logic of Deep Disagreement", *Informal Logic*, 2005 (1985), vol. 25, no. 1, pp. 3–11.

Frances, B., Matheson, J. "Disagreement", in: Zalta, E. (ed.). *Stanford Enc. of Philosophy* [<https://plato.stanford.edu/entries/disagreement/>, accessed on 23.02.2018].

Frolov, K. G. "Metafizika sootvetstviya: nekotorye podhody k korrespondentnoj teorii istiny" [Metaphysics of Correspondence: Some Approaches to Correspondent Theory of Truth], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 1, pp. 83–98. DOI: 10.5840/eps201855110. (In Russian)

Huemer, M. *Skepticism and the Veil of Perception*. Oxford: Rowman and Littlefield, 2001. 212 pp.

Johnson, R., Blair, A. *Logical Self-Defense*. Toronto: McGraw-Hill Ryerson, 1977. 312 pp.

Johnstone, H. W. "Some Reflections on Argumentation", *Logique et Analyse*, 1963, vol. 21, no. 6 (30), pp. 30–39.

Kripke, S. "Zagadka kontekstov mnenija" [Kripke S. A Puzzle About Belief], *Novoe v zarubeznoj lingvistike*, vypsuk 18. Moscow: Progress, 1986, pp. 194–241. (In Russian)

Lackey, J. A. "Justificationist View of Disagreement's Epistemic Significance", in: Haddock A., Pritchard D. (eds.). *Social Epistemology*. Oxford UP, 2011. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199577477.003.0015.

Lisanyuk, E. N. "Kognitivnye karakteristiki agentov argumentacii" [Cognitive Aspects of Agents in Argumentation], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, series 6, 2013, vol. 1, pp. 13–21. (In Russian)

Lisanyuk, E. N. *Argumentacija i ubezhdenie* [Argumentation and Conviction]. St. Petersburg: Nauka, 2015. 398 pp. (In Russian)

Migunov, A. I. "Semantika argumentativnogo rechevogo akta" [Semantic of Argumentative Speech Act], in: Migunov, A. I., Lisanyuk, E. N. (eds.). *Mysl'. Ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obschestva*, vol. 6. St. Petersburg: Filosofskoye obschestvo, 2006, pp. 35–47. (In Russian)

Mikirtumov, I. B. "Popravljaja takelazh, ili pochemu ne sushhestvuet 'ob'ektnyh ustanovok" [Fixing the Tackle, or Why no 'Objective Attitude' Exist], *Epistemology and Philosophy of Science*, 2016, vol. 50, no. 4, pp. 36–43. (In Russian)

Pavlova, A. M. "Istinnost' v dialogovoj logike i teoretiko-igrovoj semantike (GTS)" [Truthfulness in Logic and Game-Theoretical Semantic], *Logical investigations* 2015, vol. 21, no. 2, pp. 107–133. (In Russian)

Priest, G. "What's So Bad About Contradictions?", *Journal of Philosophy*, 1998, vol. 95, pp. 410–26.

Shapiro, O. A. "O ponjatii argumentativnogo giperjazyka: pragma-analiticheskij podhod" [On the notion of the argumentative hyper-language: pragma-analytical approach], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 2017, no. 38, pp. 15–22. (In Russian)

Shelling, T. *Strategija konflikta* [Strategy of Conflict]. Moscow: IRISEN, 2007. 376 pp. (In Russian)

Shramko, Y., Wansing, H. “Some Useful Sixteen-Valued Logics: How a Computer Should Think”, *Journal of Philosophical Logic*, 2005, vol. 34, pp. 121–153.

Slinin, Ja. A. “O pustyh terminah: Aristotel’ i Parmenid” [On Empty Terms in Aristoteles and Parmenides], *Schole*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 177–184. (In Russian)

Stich, St. “Reflective Equilibrium, Analytic Epistemology and the Problem of Cognitive Diversity”, *Synthese*, 1988, vol. 74, no. 3, pp. 391–413.

Vol’f, M. N. “Gorgij Leontijskij i antichnaja model’ deskriptivnoj jepistemologii” [Gorgias of Leontia and ancient model of descriptive epistemology], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 2016, no. 2 (34), pp. 269–280. (In Russian)

Weingartner, P. *Fundamental’nye problemy teorii istiny* [Fundamental Problems of The Theory of Truth]. Moscow: ROSSPEN, 2005. 352 pp. (In Russian)

Zaitsev, D. V., Grigor’ev, O. M. “Dve istiny – odna logika” [Two Truths, One Logic] *Logical Investigations*, 2011, iss. 17, pp. 121–139. (In Russian)